

С.И. Якимова

ПОРТРЕТНЫЙ ОЧЕРК ВС.Н. ИВАНОВА 1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг. В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ ЭПОХИ

Анализируются портретные очерки Вс.Н. Иванова 1920-х – начала 1930-х гг. На основе архивных материалов и контента владивостокских небольшевистских газет («Русский край», «Русская армия», «Вечерняя газета»), периодических изданий дальневосточной эмиграции (газеты «Свет», «Гун-Бао», журнал «Рубеж») рассматриваются внутри- и внелитературные факторы, обусловившие своеобразие мемориальных и некрологических портретных очерков, выявляются актуальность и общность их нравственно-философской проблематики.

Ключевые слова: Всеволод Никанорович Иванов; портретный очерк; журналистика; российский Дальний Восток; дальневосточная эмиграция; социокультурный контекст.

Введение

Изучение истории отечественной журналистики периода Гражданской войны в России не может быть полным и исчерпывающим без включения в ее контекст журналистики российского Дальнего Востока и дальневосточного зарубежья.

Журналистика российского Дальнего Востока начала 1920-х гг. в силу особого статуса существовавшей там до октября 1922 г. Дальневосточной республики (ДВР) существенно дополняла богатое и сложное информационное пространство России, на большей территории которого к началу 1920-х гг. уже установилась советская власть с ее идейными приоритетами, подрывавшими демократические основы жизни общества. Трагические последствия Гражданской войны требовали всестороннего и глубокого анализа, в то время как советская журналистика по идейным причинам была лишена возможности масштабно и полно освещать происходившие процессы. Поэтому политическое многоголосие, существовавшее на рубеже 1920-х гг. на российском Дальнем Востоке, в относительно свободном от идеологического диктата большевистской власти уголке России, способствовало развитию свободы слова в историко-культурном и информационном пространстве.

Актуальность и социокультурная востребованность жанра портретного очерка в журналистике дальневосточного региона России во многом были обусловлены особой социокультурной ситуацией, сложившейся в ДВР, а также возросшей ролью влиятельных, знаковых фигур в период идейного раскола и смены аксиологической парадигмы в жизни нового российского государства.

Запечатлевая в себе рассказ о жизни и культурном вкладе значимых в историко-культурном развитии страны фигур периода революции и Гражданской войны, портретный очерк вместе с тем становился продуктивной формой глубокого исследования исторического прошлого России, которое приобретало в рамках происходивших перемен особую философско-эстетическую значимость. Своей обращенностью к будущему через осмысление прошлого и современного опыта идейно-политической борьбы портретный очерк 1920-х гг. отразил определенные видоизменения и трансформации, которые нашли яркое вопло-

щение в журналистском творчестве Всеволода Никаноровича Иванова (1888, Волковск Гродненской губернии, – 1971, Хабаровск), личности неординарной, активно выступавшей против идеологии большевизма.

Высокий авторитет Вс.Н. Иванова в журналистской среде был сформирован его предшествующей профессиональной журналистской деятельностью в составе Русского бюро печати при адмирале А.В. Колчаке в Омске, тогдашней «столице» Сибири, где он редактировал одно из изданий правительства А. Колчака, омскую «Нашу газету».

Свой первый журналистский опыт Вс.Н. Иванов приобрел в годы учебы в Санкт-Петербургском университете еще до начала Первой мировой войны, которая поставила молодого человека перед экзистенциальными вопросами. Ответы на них ассистент кафедры философии и права Пермского филиала Санкт-Петербургского университета, начинающий поэт, журналист искал, опираясь на синтез науки и творчества. Этот своеобразный синтез на десятилетия предопределил главные линии творчества Вс.Н. Иванова, обусловил широту его эрудиции, философскую концептуальность всего масштабного творчества.

Присущие Вс.Н. Иванову чувство гражданской ответственности, высокий уровень филологической культуры, сформированная классическим образованием приверженность гуманистическим ценностям способствовали укреплению его авторитета не только в журналистской среде. Активное участие Вс.Н. Иванова в начале 1920-х гг. в создании и руководстве дальневосточного информационного телеграфного агентства (ДИТА), выдвижение его кандидатуры на пост Уполномоченного по информации Временного Приамурского правительства открывали большие политические перспективы, от которых Вс.Н. Иванов отказался в пользу независимой журналистики. Оставляя за собой статус издателя и редактора «Вечерней газеты» во Владивостоке, Иванов счел необходимым информировать об этом общественность через опубликование 27 июля 1921 г. во владивостокской газете «Русский край» своего публичного заявления. Правительство, приняв заявление Иванова, с сожалением констатировало: «Ваши организаторские способности, ваша опытность в газетном деле являются настолько несомненными, что у Пра-

вительства не может быть другого более подходящего лица, которое с такими же, как Вы, успехами и знанием дела мог бы вести эту трудную и весьма ответственную работу» [1. С. 5].

Принципиальность, независимость, порой категоричность суждений Вс.Н. Иванова с максимальной полнотой проявили себя в серии рассматриваемых в статье портретных очерков, посвященных видным деятелям современной ему политики и культуры, а также знаковым фигурам предшествующих переломных эпох в истории России.

Актуализация жанра портретного очерка в творчестве Вс.Н. Иванова

Исследование проблем настоящего вывело Иванова к исторической проблематике, к поискам причин и истоков происходящего. Творящаяся на глазах история ярче всего предстала Иванову через ее ярких представителей, деятелей политики и культуры. Его внимание к знаковым фигурам из недавнего прошлого в мемориальных очерках по-особому дополнилось изучением трагических событий настоящего в некрологических очерках-портретах.

В статье проанализировано восемь портретных очерков Вс.Н. Иванова, написанных и опубликованных в несоветских или эмигрантских газетах в рамках острой политической полемики с идеологическими приоритетами советской власти. Из них два отнесены нами к некрологическим очеркам, которые отличает высокая степень актуализации драматизма происходящего, в то время как в мемориальных очерках журналист выходит на обсуждение нравственно-философской проблематики. Значительный объем созданных Ивановым в рассматриваемый период мемориальных очерков отражает глубину и содержательность портретной очеркистики автора, во многом определяет горизонты его дальнейшей журналистской и писательской деятельности.

Свой заметный вклад в развитие жанра портретного очерка Иванов внес через использование многообразия его видов, мемориального, исполненного философского, культурно-созидательного начала, и некрологического портретного очерка с его трагическим пафосом.

Портретный очерк, как жанр авторской, или писательской, журналистики позволил очеркисту Иванову представить своих героев в нетривиальной ситуации, не просто раскрыть их систему ценностей и выразить свое к этому отношение, но и открыть в своих героях индивидуальные точки роста, моменты преодоления себя, выхода за рамки привычного, предсказуемого ради достижения своей цели, защиты и продвижения общественно значимых идеалов и целей. Предметом документально-художественных исследований Вс.Н. Иванова в портретных очерках наряду с личностью героя всегда становилась проблемная ситуация, для разрешения которой писатель и мыслитель Вс.Н. Иванов использовал богатый аналитический опыт, теоретические методы и подходы, а для проникновения в психологию исследуемой личности опирался на методы художественные.

Внимание данной статьи к жанру портретного очерка в творчестве Вс.Н. Иванова продолжает научное изучение универсального наследия писателя, мыслителя и журналиста, в котором нашли отражение драматизм личной биографии автора и истории России в контексте событий первой трети XX в. Художественное своеобразие творческой манеры Иванова, советского писателя, автора исторических повествований, привлекло внимание исследователей в тот период, когда его эмигрантское творчество было недоступно не только читателю, но и исследователю [2].

Масштабное изучение наследия этого художника слова, внесшего заметный вклад в воссоединение русской литературы и журналистики диаспоры и метрополии, началось в конце 1980-х гг., когда в научную повестку были включены получившие актуальность вопросы изучения русской зарубежной литературы и журналистики. Как журналист и писатель, более двадцати лет проживший в эмиграции в Китае, Вс.Н. Иванов всем корпусом созданных им в доэмигрантский и эмигрантский периоды произведений научной-публицистической, художественной литературы и журналистики открыл перед исследователями отечественной литературы и журналистики новые перспективы в изучении особенностей развития единой отечественной литературы и журналистики XX в.

Первой крупной работой по обобщению и систематизации творчества Вс.Н. Иванова стала монография, а затем и одноименная докторская диссертация автора данной статьи [3]. Новые аспекты творчества Вс.Н. Иванова-поэта послужили предметом изучения И.Ю. Ковальчук [4]. Заметными вехами стали как отдельные статьи, так и сборники коллективных научных изданий преподавателей-исследователей кафедры журналистики Тихоокеанского госуниверситета (ТОГУ), посвященные изучению литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока [5]. Один из разделов данной коллективной монографии посвящен изучению вопросов поэтики творчества и мировоззрения Вс.Н. Иванова. Первые подступы к исследованию очеркистики Вс.Н. Иванова 1920-х гг. представлены в обзорной статье Н.А. Выхованец [6]. Издаваемые кафедрой журналистики ТОГУ с 2012 г. сборники научных статей по материалам регулярно проводимой международной научно-практической конференции «Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.» дважды посвящались юбилейным датам (125-летию и 130-летию) со дня рождения Вс. Н. Иванова и включали статьи о нравственно-философской проблематике (евразийство, культура востока), о жанровых приоритетах (историческое повествование, историческая повесть, жанр очерка, сонет) в его творчестве, приобретающем особую актуальность в рамках преподаваемых учебных дисциплин по направлению подготовки студентов (42.03.02 «Журналистика»). Формирующий контекст изучения творчества Вс.Н. Иванова обнаруживает тенденцию ко все большему переходу от изучения общих проблем идейно-художественного своеобразие масштабного наследия Вс.Н. Иванова к исследованию частных, конкретных вопросов индивиду-

ального почерка автора, обуславливающего его личный вклад в развитие отечественной литературы и журналистики. Жанр портретного очерка, обнаруживающий свою особую продуктивность в творчестве писателя и журналиста Иванова 1920-х гг., предметом отдельного научного исследования до настоящего времени не выступал.

Мемориальный очерк в портретной галерее Вс.Н. Иванова

Серию портретных очерков, созданных Вс.Н. Ивановым, отличает богатство представленных в них человеческих типов и проблематики, своеобразие мировоззренческой позиции их автора, прожившего в изгнании более двадцати лет, что обусловило особенности авторского обобщения действительности, ее масштабность. Портретные очерки, лаконичные зарисовки крупными мазками образов своих знаменитых соотечественников-современников, деятелей политики и культуры, Вс.Н. Иванов органично дополняет очерками о выдающихся, знаковых исторических личностях России, посвящая им мемориальные очерки, в которых выражается концептуальная позиция Вс.Н. Иванова по отношению к истории, прежде всего к истории России, как источнику истины, критерию нравственной ценности человеческой личности. Не случайно в своей книге философско-культурологического характера «Дело человека: Опыт философии культуры» (Харбин, 1933) он актуализирует, наряду с наукой, религией и искусством, историю как один из четырех путей познания. Научный подход Вс.Н. Иванова к изучению истории, истории своей страны привел его к евразийству, сделал продолжателем идей великого русского философа В.С. Соловьева, послужил толчком к созданию главной книги Вс.Н. Иванова-евразийца «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности» (Харбин, 1926), близкой по жанру к философско-исторической публицистике.

Опубликованный Вс.Н. Ивановым в 1921 г. во владивостокской газете «Русский край» мемориальный очерк «Кровь царя» актуализировал одну из трагических страниц русской истории, еще «не поросшей травой забвения», расстрел большевиками в 1918 г. русского императора Николая II. Очерк открывается личным воспоминанием автора очерка о единственной, нечаянной, но существенно повлиявшей на сознание одного из воспитанников Санкт-Петербургского «12000-го университета», кем был в начале XX в. Вс.Н. Иванов: «Мне только раз удалось видеть покойного императора» [7. С. 15]. Вплетая свою биографию в повествовательную ткань портретного очерка, автор показывает неразрывность индивидуальной судьбы человека с историей страны, их сопряженность. Сопровождающий воспоминания лирический пейзаж способствует раскрытию авторского миропонимания, его аксиологической картины мира: «Был один из тех изумительных петербургских прозрачных зимних дней, когда Невский проспект в легком морозце казался ослепительным» [7. С. 15].

Проникнутый светлыми, жизнеутверждающими нотами пейзажный зачин очерка резко контрастирует с его публицистически острым, драматическим финалом, отражающим непримиримость автора очерка с большевистским произволом: «Уже теперь, через три года после этой беспримерной жертвы царей за Россию, начинает все ярче и ярче вставать сознание – да что же мы сделали?» [7. С. 18]. В авторском «мы» отражены неразрывная связь писателя и журналиста с судьбой России, высокое чувство гражданской ответственности за происходящее с его страной, личной причастности как к ее богатому, так и негативному опыту. Соединяя лирическую и публицистическую формы подачи материала, журналист, обращаясь к широкой аудитории эмоционально, художественно, выполняет свою целевую установку: повлиять, изменить ее самосознание.

В художественную структуру очерка органично входит типологически общий для биографических жанров конфликт между точкой зрения автора и его окружения, так называемых других, обуславливая логический переход от лирической формы повествования к публицистической. Вечером, находясь под впечатлением от случившейся «встречи» с императором, Вс.Н. Иванов не менее изумлен безразличием со стороны своих приятелей-студентов, услышав в ответ на свой рассказ о «встрече» с русским императором: «Мишура!..» [7. С. 15]. Воспоминания Вс.Н. Иванова о малой родине соединяются в очерке с размышлениями о настоящем, беллетристика – с эссеистикой: «Они были, в общем, хорошие люди, эти приятели в студенческой комнатке у хозяйки-эстонки Лизы Федоровны. Но был какой-то дефект в их душах. Волга развертывала перед нами на наших каникулах свои широкие воды: труд и предприимчивость кипели в промышленном размахе, побивая слабых, укрепляя сильных, – а они не знали слова Родина, эти молодые люди, и пели на вечеринках каторжные песни...» [7. С. 15–16]. Пробуждавшаяся этими песнями в душах людей ненависть трансформировалась в наваждение, которое, по мысли автора, и привело к разрыву с прошлым, с традицией, к трагедии саморазрушения. Отказ и даже стыд собственного мнения, как подчеркивает Иванов, привели к разрыву с национальной исторической традицией: «Мало того, что мы порвали с традицией, – мы не просто оставили ее в стороне. Мы возненавидели ее смертельной ненавистью, ненавистью к родному» [7. С. 17].

В очерке, пронизанном мотивом тоски, прошлое анализируется с главной установкой – извлечь из него урок гуманизма: «Кровь русского императора будет поворотной осью тому, о чем говорит не испорченный полунаукой русский рассудок и русская трезвая совесть, о чем говорит Волга и русские церкви – к неиссякаемой радости жизни, творчества, к той силе, о которой пророчествует Достоевский: «Народы слагаются и движутся силой повелевающей и господствующей, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. Это есть сила беспрестанного и беспрерывного подтверждения своего бытия и отрицания смерти, – реки воды живой... И как эта сила, пусть так же животворна да будет кровь русского царя

нашим внукам: – Ибо она на нас и на детях наших!» [7. С. 19]. Над страницами очерка Вс.Н. Иванова лейтмотивом витают «Бесы» Ф.М. Достоевского, усиливая ощущение катастрофичности бытия, разрухи в делах, смуты в сознании. Иванов развенчивает ложную, губительную романтизацию нигилизма, порождавшую ненависть к России: «И эта ненависть, чужая ненависть, как туманом, крыла все величественные картины нашего исторического прошлого, искажала до неузнаваемости все пышные формы исторической традиции» [7. С. 17]. Иванов апеллирует к тому же, с чем связывал свои глубокие надежды Достоевский, к человеческой душе, ее духовно-нравственному богатству и красоте, человеческой совести: «Мы не знаем долга. Мы знаем только грех и его покаянное искупление. И этот великий грех русского народа – путь к его искуплению» [7. С. 19].

Воссозданная в очерке историческая трагедия личности в эпоху социальных потрясений, отражая сформированную гуманистическими традициями русской классики аксиологическую картину мира Вс.Н. Иванова, сохраняет свою необычайную актуальность: «Молчаливы поруганные тени предков и национальных героев. Молчат сброшенные с пьедесталов их монументы, неслезанно оскорбляя тех, кто их ставил» [7. С. 18]. Воссозданная в очерке национальная трагедия, соединенная с верой в преодоление духовно-нравственного кризиса, отражает тонкий переход некрологического портретного очерка в мемориальный, передавая высокую степень погружения автора в существо экзистенциальной проблематики, наполняя очерк подлинной художественной достоверностью.

Своим современникам, деятелям культуры Вс.Н. Иванов посвятил очерки «Проф. Д.В. Болдырев» и «Василий Федорович Иванов», опубликованные в 1921 г. во владивостокской газете «Русский край». В мемориальном очерке «Проф. Д.В. Болдырев», открывающемся трагическим событием в биографии молодого профессора Пермского университета по кафедре философии, коллегой которого в пору преподавательской деятельности был ассистент Вс.Н. Иванов, лирическое начало перерастает в публицистическое содержание, соединяющее в себе высокую эмоциональную художественность и научность философских обобщений. Автор очерка воссоздает яркие эпизоды из биографии ученого-философа и выдающегося деятеля русской православной церкви, одного из участников-основателей в 1917 г. в Петрограде «Братства св. Софии». Иванов, включая историю жизни и подвижнического труда Д.В. Болдырева в социокультурный контекст бескомпромиссного противостояния духовной культуры и большевистской идеологии, используя богатый фактический материал из периоды тех лет («Русская мысль», 1917; омская «Сибирская речь», 1919), выступает и как историк отечественной журналистики.

Представленная в очерке характеристика периода Гражданской войны в России содержит уникальный синтез личного и общего, биографического и публицистического, научного и художественного, формируя индивидуальность стиля Вс.Н. Иванова, что впо-

следствии определит особенность творческой манеры писателя: «Нас, русских, всегда окружало это тончайшее эфирное облако удивительных переживаний, которые, затвердев в русском творчестве, алмазами сияют в нашей поэзии. Но слишком мало всегда у нас было людей, которые, веря в себя, прислушивались бы к этому исконному “перезвону сосен” в своей душе. <...> Но тем и ценнее тогда в эти периоды разрухи и крушения те фигуры, которые слушают, не смущаясь, в своем сердце это цветение души. Какая бездна переживаний и настроений волнуется тогда перед нами в такой личности, объединяя в себе те действительные элементы, которые органически создавали всё, что называем мы русским. Такой именно личностью был покойный Дмитрий Васильевич Болдырев» [8. С. 36–37]. Журналист и писатель, вынося глубоко личные оценки непродолжительному, но очень значимому своим разрушительными последствиями периоду идеологического противостояния, раскрывает свои аксиологические принципы: «Пожирается во имя земных благ личное, индивидуальное, пышное, радостное сияние, цветение широкой русской души» [8. С. 36].

В портретном очерке «Василий Федорович Иванов» автор запечатлевает один из уникальных типов русских людей, поначалу воспринимаемых как человек с чужинкой, в критической ситуации обнаруживающих в себе удивительную жизнестойкость благодаря приверженности здравому смыслу. «Вас. Фед. Иванов весь в том мире, куда образованным людям как бы нет хода, потому что там нет никаких проблем. Этот мир здравого смысла, вековых устоев отношения людей между собой, чуткого, советливого восприятия вековых идей, не укладывающихся ни в какие прокрустовы ложа «прогресса» [9. С. 55]. Многообразие человеческих типов и характеров, запечатленных в портретных очерках Иванова, отражает, с одной стороны, реальную сложность картины бытия, а с другой – широту взглядов автора, профессионального журналиста, стремящегося к максимальному, порой субъективному самовыражению.

В 1921 г. владивостокская газета «Русская армия» опубликовала его очерк «Семеновщина» о крушении личности атамана Семенова его ближайшим окружением. Очерк рождает емкие, сохраняющие актуальность нравственно-философские размышления Вс.Н. Иванова о сложной природе политической борьбы, о противостоянии политики и нравственности: «<...> у атамана Семенова удивительный дар подбирать себе таких деятелей, что хоть всех святых вон вынести. Вокруг атамана образовался двор, твердый, непроницаемый, и во дворе этом все служили не делу, а лицу атамана, а через него – лишь себе» [10. С. 65].

Исследование трагического опыта русской революции, ее последствий Вс.Н. Иванов продолжил в серии мемориальных портретных очерков эмигрантского периода (1922–1945). Восьмой годовщине со дня казни адмирала Колчака Вс.Н. Иванов посвятил очерк «Адмирал Колчак», в котором, продолжая исследование человеческой природы, природы вождей в эпоху социокультурных потрясений, не скрывает авторских оценок, аксиологическая природа которых

отражает устойчивость гуманистических принципов автора очерка: «Для преодоления революции нужна была совесть, а совести-то и не было. Ни в красном, ни в белом стане» [11. С. 167]. Небольшой, в семь страниц, очерк включает в себя 12 фрагментов из журналистской биографии Иванова, эпизодов политических баталлий и конфликтов в ближайшем окружении адмирала Колчака, запечатлевая сложность реальных событий гражданской войны через их хаотичную смену во времени и пространстве. Экспериментируя в области формы, соединя журналистский талант с писательским, Иванов в своей горячей публицистике отстаивал идеалы гуманизма: «Но не к присутствующей толпе, по большей части азартной, себялюбивой и равнодушной, направляется мой взор. Туда, назад, к бесконечным просторам Сибири, которую мы изошли в Ледяном походе, уходя из России... Там витают кровавые призраки тех, кто смертью запечатлел свой подвиг верности. Эти видения можно видеть только совестью. И во имя этой совести – придет время и будет историей учинено жестокое действие с теми, которые это душевное качество потеряли, предаваясь своим делам и делишкам, предаваясь себялюбивой политике» [11. С. 171–172].

События октября 1917 г., продолжая и в эмиграции оставаться предметом раздумий писателя и журналиста Вс.Н. Иванова, рождали ассоциации с трагическими эпизодами русской истории, истории культуры в лице ее ярких представителей, углубляли авторский историзм. В серию мемориальных очерков Вс.Н. Иванова входит полемический для советской атеистической эпохи, концептуальный для всего последующего творчества писателя-историка очерк «Оправданный Аввакум», в котором автор актуализирует один из аспектов историко-культурной миссии вождя русских старообрядцев протопопа Аввакума Петрова. Публицистическая заявка автора очерка на переосмысление культурно-исторической миссии протопопа Аввакума, оправдание его протеста против радикальных церковных нововведений обусловлены социокультурными обстоятельствами советской эпохи, проводившей радикальные реформы во всех сферах жизни российского общества. «Нет, не фанатизм умудренно видим мы теперь в действиях протопопа Аввакума, не слепую ярость, а разумный и трезвый взгляд на вещи», – утверждает Вс.Н. Иванов, отмечая в современной ему жизни дефицит разумного и взвешенного отношения к переменам [12. С. 284].

Очерк стал своеобразным подступом писателя к сложной проблематике своего большого исторического повествования (именно так писатель называл свои исторические произведения послеэмигрантского периода. – С.Я.) «Черные люди», документально-художественного исследования глобальных проблем в истории России XVII в. в их обусловленности ролью отдельных личностей: церковный раскол русской православной церкви – протопоп Аввакум Петров; бунташный XVII век – царь Алексей Михайлович; освоение российского Дальнего Востока – Ерофей Хабаров; крестьянское освободительное движение – Степан Разин и др. В произведениях больших и малых жанров о переломных периодах в истории России

Вс.Н. Иванов, преисполненный тревогой о будущем своей страны, искал пути решения актуальных нравственно-философских проблем эпохи. Мемориальный очерк о знаковой фигуре из далекого прошлого, написанный Вс.Н. Ивановым в начале 1930-х гг. в эмиграции, перерастает в проблемный, актуализирующий в себе идею консолидации россиян на основе уроков прошлого: «Разруха настоящего, которая превзошла собой всякое вероятие, заставляет нас оглянуться назад и отметить в прошлом то, на что мы прежде не обращали должного внимания. Мы видим, что, в противность настоящему, в прошлом мы имели крепкое, сильное, слаженное государство, и это преисполняет нас уважением к тем деятелям этого государства, которые его создали, и тем, кто держал тогда высоко стяг русского национального дела» [12. С. 279]. Очерк раскрывает авторскую картину мира, сформированные классическим образованием, устоями дореволюционной жизни принципы, подвергавшиеся в контексте советской идеологии попыткам радикальной переоценки: уважение к истории своей страны, готовность учиться у прошлого, приоритет духовных ценностей.

Некрологический очерк-портрет в журналистике Вс.Н. Иванова

Жанр портретного очерка, соединяя в себе идейно-художественные черты и признаки многих разновидностей жанра, в творчестве журналиста Вс.Н. Иванова изучаемого периода проявил свою исключительную продуктивность. Серия мемориальных очерков-портретов существенно дополнилась вызванными к жизни трагическими событиями послереволюционной эпохи некрологическими очерками-портретами, в которых мотивы покаяния и искупления звучали остро и трагично.

Влияние внелитературных факторов диктовало очеркисту тему, высвечивало проблему, а способ ее раскрытия и решения писатель искал в художественном арсенале, где эстетика взаимодействовала с публицистикой, усиливая процессы лиризации и субъективизации в отображении драматических событий эпохи. Импрессионистический способ мышления эпохи Серебряного века, находя отзвуки в поэтике Вс.Н. Иванова, дополнялся влиянием новых философско-эстетических концепций, что способствовало переводу размышлений журналиста, писателя и критика в эссеистский план.

В создавшихся драматических условиях необыкновенную продуктивность через внедрение своих элементов в другие жанровые образования критики проявил жанр литературного портрета. Элементы литературного портрета проникали в критические очерки, рецензии, монографические статьи, некрологические очерки-портреты и т.д. Главной задачей отечественной литературно-художественной критики в условиях идейного и духовного раскола стало художественно-целостное изображение живой писательской индивидуальности во всей неповторимости ее «лица», мышления, языка, воплощенных в «характере, манере поведения, <...> биографии» [13. С. 12].

В 1921 г. в Петрограде большевиками был расстрелян поэт Николай Гумилев, в том же году умер поэт Александр Блок. Трагедия необыкновенным образом сблизила этих разных поэтов, которые стали вершинными фигурами, высшими ориентирами не только для поэтов в изгнании, но и для всей русской эмиграции. 1921 год остался навсегда запечатленным в некрологических портретных очерках Вс.Н. Иванова, находившегося в этот период времени на пороге эмиграции, во Владивостоке. Очерк Вс.Н. Иванова «Причастный тайнам (Памяти А. Блока)» открыл новый этап в осмыслении творческого наследия поэта, прозревавшего за трагедией настоящего светлые дали. Вс.Н. Иванов одним из первых ощутил в поэме «Двенадцать» А. Блока не романтику революции, а «стихийное бушевание этой подлинной, мировой тоски, которая в русском народе» [14. С. 2]. По мнению журналиста и критика Иванова, «мистическое содержание этой иной подлинности, тоскующей реальности и составляет другое содержание «Двенадцати» [14. С. 2]. Очевидной становится и причина полярных трактовок поэмы разными политическими силами. Она – в неразгаданности, в недостаточности проникновения в ее глубинный смысл, «потому что проникновение – это дело самого поэта, дело Причастного Тайнам, особым тайнам поэта» [14. С. 2].

Журналистика российского Дальнего Востока начала 1920-х гг., а затем и русского зарубежья Дальнего Востока развивалась во многом благодаря продуктивности литературно-критической деятельности писателей и журналистов и становилась уникальным средством коммуникации, отражающим полифонию социокультурной жизни россиян и идейно-эстетическое богатство внутрироссийской и эмигрантской литературной жизни соотечественников. Анализ творчества поэта стал для журналиста и критика Иванова, оказавшегося на последнем островке свободной России, во Владивостоке, профессиональным средством прогностики будущего России: «И надо знать Блока, с его мистическим ясновидением, с его напряженным пронизывающим созерцательным взором, направленным именно в будничную жизнь, чтобы там открыть иные, подлинные аспекты жизни, чтобы понять, что поэма эта – не только фотографический снимок, а полное выражение мировоззрения поэта» [14. С. 2].

Через десять лет, уже в эмиграции в Китае, Вс.Н. Иванов вновь обратится к поэтической фигуре и наследию А. Блока в литературно-критическом мемориальном очерке-портрете «Александр Блок (к исполнившемуся 7 августа десятилетию смерти поэта)», выразит углубившееся с годами творческое взаимодействие русской литературы и русской эмигрантской литературы, особенно, с идейно-эстетическими идеалами Серебряного века. Характерная для этой публикации манифестационность заявлена в первых строках эпиграфа: «Неужели вы позабыли, // Что поэзии имя – Блок?» [15. С. 9]. Трагизм настоящего сменяется верой и надеждой, в которых нуждалась русская эмиграция: «Едва ли у кого из русских писателей столь явственно видна вся эволюция духовной жизни России перед рево-

люцией. Блок не просто прожил, не просто просмотрел два страшных десятилетия XX века, – нет, он пережил, перечувствовал их. <...> Революция задавила его годами, кровью, глухотой, но он провидел за ней какие-то новые, светлые, примеренные дали. <...>

– Всё будет хорошо, – записывал Блок в 1918 году в своей 49-й книжке. – Россия будет великой!.. Но как трудно ждать и как трудно дожидаться!..

И великий поэт умер, не дождавшись, в темном Петербурге, умер со старым, светлым именем Пушкина на последнем своем стихе» [15. С. 9].

Критик, решая задачи познания мира художественного текста и бытия, послужившего его источником, вместе с тем создает и распространяет вокруг отдельного творения и всего корпуса произведений поэта соответствующее информационное, эстетико-аксиологическое поле. Такие «поля», возникая вследствие гигантского рассеяния россиян на рубеже 1920-х гг. по всему миру, актуализировали социально-преобразующую миссию отечественной журналистики и литературно-художественной критики этого сложного в истории отечественной литературы и журналистики периода.

Трагическая гибель Н. Гумилева в 1921 г. вызвала к жизни полемику с виновниками смерти великого поэта. Особой остроты полемика достигала там, куда советская власть в начале 1920-х гг. еще не пришла. Так было во Владивостоке, где в те годы жил журналист Вс.Н. Иванов. Его перу принадлежит опубликованный в литературно-художественном приложении к воскресному номеру владивостокской газеты «Русский край» некрологический портретный очерк «Н.С. Гумилев (Расстрелян Н.С. Гумилев)» с громким обвинительным подзаголовком «В Петрограде большевиками расстрелян поэт Николай Гумилев» [16. С. 1]. Три страницы из четырех данного приложения посвящены трагическому событию и начинаются глубокими стихами Н. Гумилева «Измучен огненной жарой...». Свой очерк автор открывает доходящими до сарказма строками: «Советскую власть можно поздравить с новым серьезным завоеванием. Еще меньше одним пленительным человеком на русской земле. Еще больше простора осталось для творцов новой жизни, хамов с низкими лбами. Конечно, он должен был умереть. Он не был творцом новой жизни. Он был певцом жизни вечной, прекрасной, такой, какая она есть на самом деле» [16. С. 1]. Очерк Вс.Н. Иванова пронизан трагическим мотивом великой утраты для всей России, непримиримостью и гневом в адрес виновников трагедии. Раскрывая причины этой безвременной кончины, необыкновенно высокой цены свободы, очерк Вс.Н. Иванова указывает на трагически типичный для России конфликт поэта и власти, рождая литературные ассоциации с художественно воссозданной М.Ю. Лермонтовым в стихотворении «Смерть поэта» драматической судьбой великого поэта России, А.С. Пушкина. Общность конфликта разных эпох обнажает трагический характер русской истории и истории русской культуры на крутых поворотах и изломах. Свое прощальное повествование о творческой и человеческой судьбе Н. Гумилева

Вс.Н. Иванов включает в широкий культурно-философский контекст XIX и XX вв. через актуализацию экзистенциальной проблематики: цель и смысл человеческого существования, место и роль искусства в жизни человека, остро полемизируя с идеалами новой, советской, власти.

Образ поэта-патриота, поэта-героя, особенности поэтической манеры Н. Гумилева предстают через аналитику глубинных течений эпохи, их внутренних связей, что способствует объемности и рельефности портретной зарисовки, входящей в структуру очерка-некролога. «Освещение» образа Н. Гумилева, блики и тени в его портрете во многом корректируются эстетическими взглядами писателя и критика Иванова, его представлениями о путях-перепутьях развития отечественной литературы в целом, его эстетическими и мировоззренческими принципами. Идеино-эстетические взгляды и подходы критика обуславливают осуществляемый им отбор анализируемых произведений поэта, которые, с точки зрения автора очерка, наиболее ярко раскрывают творческую индивидуальность Н. Гумилева. Вместе с тем критик не просто соотносит, он подчиняет отбор биографических фактов из жизни Гумилева, литературно-критические наблюдения и размышления о его творчестве собственной «сверхзадаче», которая, в связи с высоким градусом заидеологизированности общероссийского информационного и культурного пространства того времени, звучит ярко и выразительно. Поэтическим языком Н. Гумилева Вс.Н. Иванов обнажает существо конфликта миропонимания поэта и идеалов новой, советской, действительности:

Я вежлив с жизнью современной,
Но между нами есть преграда:
Всё, что смешит ее, надменную,
Моя единая отрада ... [16. С. 2].

Уходя от надменной, оторвавшейся от реальности жизни в созерцание экзотики, Н. Гумилев не уходил от существа жизни. В этой «экзотике, – подчеркивает Иванов, – ищет он только усугубления этого мира, который, таким образом, мог бы соответствовать его грезам» [16. С. 2]. Н. Гумилев грезил о высоком, героическом: «Победа, слава, подвиг – бледные // Слова, затерянные ныне, // Гремят в душе, как громы медные, // Как голос Господа в пустыне ...» [16. С. 2].

Вс.Н. Иванов, воспринимая поиски Н. Гумилевым экзотики как поэтическое стремление к жизни в ее концентрации, представляет образ поэта динамичным и пространственным: «<...> жизнь, сплошная и одинаковая, имеет в себе экзотику АКМЕ (авторское написание. – С.Я.), имеет полдень, сладкий и нежащий, концентрирующий ее. Гумилеву надобен был этот полдень ...» [16. С. 2]. В некрологическом портретном очерке, обращенном к одной из вершинных фигур Серебряного века, автор раскрывает присущее Н. Гумилеву эстетическое восприятие жизни, способствует его укреплению в сознании современников в условиях разрушения гуманистической картины мира.

Гумилевское стремление к постижению подлинности жизни, а не ее внешних проявлений, было необыкновенно близким мироощущению как самого Вс.Н. Иванова, так и большинства россиян этой да-

лекой окраины России в преддверии эмиграции: «Гумилев гнался за этой подлинностью. И точно так же, как он охотился в Абиссинии на львов, он отправился на Русско-Германскую войну. Георгиевский кавалер-солдат, георгиевский кавалер-офицер, – он следил смерть с холодной любопытной улыбкой, скандируя из Т. Готье запечатленные радости жизни...» [16. С. 2]. Раскрывая собственные эстетические принципы, характеризуя литературные явления и процессы, Вс.Н. Иванов обнаруживает общую для литературной эпохи тенденцию к интимизации, выражению личностного отношения к происходящему, что способствовало углублению психологизма через проникновение во внутренний мир художника, обогащало некрологический портретный очерк элементами философского эссе.

В целом некрологический портретный очерк Вс.Н. Иванова «Н.С. Гумилев» отражает новые тенденции и влияния, активно распространявшиеся в литературно-художественной критике первых десятилетий XX в. в контексте продуктивного диалога классических и модернистских традиций. Эссеистская, ассоциативная импровизационность, как проявление модернизма, по-новому, чрезвычайно продуктивно дополняют и обогащают жанр портретного очерка в его классической разработанности.

Заключение

Жанр портретного очерка 1920–1930-х гг., в недрах которого начал свое формирование универсализм творческой манеры Вс.Н. Иванова, соединил в себе ключевые идейно-художественные доминанты, определившие главные линии всего последующего творчества Вс.Н. Иванова в проблемно-тематическом и жанровом отношении. Рассмотренные в статье портретные очерки Иванова, включая в себя через тематические и персонажные доминанты прямой или косвенный диалог с прошлым, с истоками настоящего, выявляют одну из особых черт творческой индивидуальности журналиста, писателя и критика, его глубочайшую приверженность истории как критерию истины. Высокая степень включенности портретируемых героев очеркистики Вс.Н. Иванова в социокультурный процесс, органично соединенной в документально-художественных исследованиях действительности с пристальным вниманием к индивидуальной судьбе известной личности, особенностям его психологии обусловили особый синтез журналистского мастерства и художественного таланта, сформировали индивидуальный авторский почерк Иванова. Особая природа филологического дара Иванова получила весьма продуктивное развитие в его портретных очерках также за счет обогащения элементами смежных жанров, таких как очерк творчества, рецензия, литературный портрет, биографический очерк.

Современный социокультурный контекст сохраняет наследие журналиста Вс.Н. Иванова в фокусе исследовательского внимания как продуктивный опыт развития отечественной словесной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газета «Русский край». Владивосток. 1921. № 44. С. 5.
2. Гюбиева Г.Е. Древнерусские художественные источники в романе Вс.Н. Иванова «Черные люди» // Вопросы русской, советской и зарубежной литературы : сб. ст. Хабаровск : ХГПИ, 1973. Т. 2. С. 22–32.
3. Якимова С.И. Жизнь и творчество Вс.Н. Иванова в историко-литературном контексте XX века. Хабаровск : ХГПУ, 2001. 258 с.
4. Ковальчук И.Ю. Художественное осмысление истории и современности в сонетах Вс.Н. Иванова // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2011. Т. 2, № 2. С. 43–50. URL: http://media/ejournal/articles/2012/TGU_2_15.pdf.
5. Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. / С.И. Якимова [и др.]; под ред. С.И. Якимовой. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. 167 с.
6. Выхованец Н.А. Очерки Вс.Н. Иванова 1920-х гг. // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2010. Т. 2, № 2. С. 46–50. URL: http://ejournal.khstu.ru/media/2010/TGU_02_08.pdf.
7. Иванов Вс.Н. Кровь царя // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 15–19.
8. Иванов Вс.Н. Проф. Д.В. Болдырев // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 34–49.
9. Иванов Вс.Н. Василий Федорович Иванов // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 50–56.
10. Иванов Вс.Н. Семеновщина // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 64–68.
11. Иванов Вс.Н. Адмирал Колчак // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 166–172.
12. Иванов Вс.Н. Оправданный Аввакум / Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 279–286.
13. Барахов В.С. Искусство литературного портрета. М., 1976. 184 с.
14. Иванов Вс. Причастный тайнам (Памяти А. Блока) // Вечерняя газета. Владивосток. 1921. № 75. С. 2.
15. Иванов Вс. Александр Блок (к исполнвшемуся 7 августа десятилетню смерти поэта) // Рубеж. Харбин. 1931. № 35. С. 9–10.
16. Иванов Вс. Н.С. Гумилев (Расстрелян Н.С. Гумилев) // Русский край. Владивосток. 1921. № 144. С. 1–3.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 декабря 2020 г.

Vsevolod Ivanov's Portrait Essay of the 1920s – Early 1930s in the Context of the Events of the Era

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 51–59.

DOI: 10.17223/15617793/464/6

Svetlana I. Yakimova, Pacific National University (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: 005563@pnu.edu.ru

Keywords: Vsevolod Ivanov (1888–1971); portrait essay; journalism; Russian Far East; Far Eastern emigration; sociocultural context.

The aim of this article is to determine the features of the genre and the moral-philosophical perspective of Vsevolod Ivanov's portrait essays of the 1920s – early 1930s published in Vladivostok non-Bolshevik newspapers (*Russkiy kraj*, *Russkaya armiya*, *Vechernyaya gazeta*), in Harbin émigré periodicals (newspapers *Svet*, *Gun-Bao*, the magazine *Rubezh*). To achieve this aim, using a semantic-cognitive approach, the author of the article studied archival materials of periodicals of the Russian Far East and Far Eastern emigration and introduced into academic discourse new unexplored factual material contributing to filling gaps in the history of Russian literature and journalism of the 20th century. Ivanov's portrait essays are analyzed in the context of the sociopolitical and cultural life of the Far Eastern Republic (FER) that existed in the Russian Far East and the large-scale emigration of Russians to China. The author considers the dynamics of Ivanov's portrait essay genre development. It acquires elements of the memorial and obituary essay, the genre of the literary portrait as a reflection of the progress of the national historical-literary process in the mother country and in the diaspora caused by the spiritual-moral confrontation of the political forces of Russia, the ideological split in the national culture of Russia due to the events of October 1917. The author of the article relies on historically significant material: the memorial essay with the conceptual title “Justified Avvakum” actualizes the problem of a reasonable and balanced attitude to changes, the correlation of evolutionary and revolutionary principles in the development of society. Ivanov raises the question of personal, moral, and civil responsibility for the fate of his country in the essay “The Blood of the Tsar”, which recreates the tragic events of the execution of the family of the Russian Tsar Nicholas II by Bolsheviks. In the analysis of obituary portrait essays about the tragic losses of Russian literature of the Silver Age (“Conversant with Secret (In Memory of A. Blok)”, “In Petrograd the Bolsheviks shot the poet Nikolay Gumilev”), the author of the article concludes about the originality of the creative potential of Ivanov, who, using elements of the genre of the literary portrait, demonstrates the synthesis of scientific, literary, and journalistic writing. The portrait essays of Ivanov's prominent contemporaries, figures of politics and culture (“Admiral Kolchak”, “Semenovshchina”, “Prof. D.V. Boldyrev”, “Vasilii Fedorovich Ivanov”) complement the complex picture of the sociocultural context of the era with relevant axiological aspects identified in the essays. The author of the article considers Ivanov's reference to the iconic figures of the turning epochs in the fate of Russia as a peculiarity of his journalistic position in relation to history as a criterion of truth and moral value of a person.

REFERENCES

1. *Russkiy kray* (Vladivostok). (1921) 44. p. 5.
2. Gyubieva, G.E. (1973) *Drevnerusskie khudozhestvennye istochniki v romane Vs.N. Ivanova “Chernye lyudi”*. *Voprosy russkoy, sovetskoy i zarubezhnoy literatury* [Old Russian artistic sources in the novel “Black People” by Vs.N. Ivanov]. Vol. 2. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical Institute. pp. 22–32.
3. Yakimova, S.I. (2001) *Zhizn' i tvorchestvo Vs.N. Ivanova v istoriko-literaturnom kontekste XX veka* [The life and work of Vs.N. Ivanov in the historical and literary context of the 20th century]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University.
4. Koval'chuk, I.Yu. (2011) *Khudozhestvennoe osmyslenie istorii i sovremennosti v sonetakh Vs.N. Ivanova* [An artistic comprehension of history and modernity in sonnets by Vs.N. Ivanov]. *Uchenye zametki TOGU*. 2 (2). pp. 43–50. [Online] Available from: http://media/ejournal/articles/2012/TGU_2_15.pdf.
5. Yakimova, S.I. et al. (eds) (2012) *Literatura i zhurnalistika russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v mezhkul'turnoy kommunikatsii XX–XXI vv.* [Literature and journalism of the Russian diaspora of the Far East in intercultural communication of the 20th–21st centuries]. Khabarovsk: Pacific State University.
6. Vykhoanets, N.A. (2010) *Ocherki Vs.N. Ivanova 1920-kh gg.* [Essays by Vs.N. Ivanov, the 1920s]. *Uchenye zametki TOGU*. 2 (2). pp. 46–50. [Online] Available from: http://ejournal.khstu.ru/media/2010/TGU_02_08.pdf.
7. Ivanov, Vs.N. (1991a) *Krov' tsarya* [The blood of the tsar]. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 15–19.

8. Ivanov, Vs.N. (1991b) Prof. D.V. Boldyrev. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 34–49.
9. Ivanov, Vs.N. (1991c) Vasilij Fedorovich Ivanov. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 50–56.
10. Ivanov, Vs.N. (1991d) Semenovshchina. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 64–68.
11. Ivanov, Vs.N. (1991e) Admiral Kolchak. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 166–172.
12. Ivanov, Vs.N. (1991f) Opravdannyy Avvakum [Justified Avvakum]. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 279–286.
13. Barakhov, V.S. (1976) *Iskusstvo literaturnogo portreta* [The art of literary portrait]. Moscow: Nauka.
14. Ivanov, Vs. (1921) Prichastnyy taynam (Pamyati A. Bloka) [Conversant with secret (In memory of A. Blok)]. *Vechernyaya gazeta* (Vladivostok). 75. p. 2.
15. Ivanov, Vs. (1931) Aleksandr Blok (k ispolnivshemusya 7 avgusta desyatiletiyu smerti poeta) [Alexander Blok (to the tenth anniversary of the poet's death on August 7)]. *Rubezh* (Harbin). 35. pp. 9–10.
16. Ivanov, Vs. (1921) N.S. Gumilev (Rasstrelyan N.S. Gumilev) [In Petrograd the Bolsheviks shot the poet Nikolay Gumilev]. *Russkiy kray* (Vladivostok). 144. pp. 1–3.

Received: 28 December 2020